

Вступление

История кабинетов редкостей создавалась главным образом усилиями нескольких одиночек — людей, живших в разных уголках Европы эпохи барокко. Джон Традескант и Элиас Эшмол в Оксфорде, Улиссе Альдрованди и Манфредо Сеттала в Милане, Лодовико Москардо в Вероне, Фердинандо Коспи в Болонье, Клод дю Молине в Париже, Никола Пейреск в Экс-ан-Провансе, Оле Ворм в Копенгагене, Леонарт Фукс и Конрад Геснер в Базеле и Цюрихе и еще пара-тройка других имен. Они, выплывая из таинственных глубин истории, идут призрачной вереницей, окутанной флером загадочности и с превеликим множеством разнообразных диковинок в придачу.

Некоторые оставили нам портреты, с гордостью помещенные на фронтисписы их каталогов, но эти образы скорее пародируют, чем передают сходство с живой натурой: они скрывают больше, чем показывают, предлагая лишь неуклюжую имитацию индивидуальных особенностей, причуд или эксцентричности, навеки утраченных.

Вряд ли покажется спорным предположение, что большинство просвещенных коллекционеров предпочитали безмолвную неподвижность вещей иллюзорности мира, сотрясаемого вихрями перемен и человеческих страстей. Именно это пристрастие к безжизненным артефактам, как ни парадоксально, снова возвращает их к жизни для нас и в гораздо более выразительной манере, чем любой портрет, каким бы

Предшественниками кабинетов редкостей можно считать сокровищницы средневековых церквей. Мотивами обладания реликвиями служили их предполагаемая святость и приписываемые им целебные свойства. Поначалу такие коллекции

состояли из предметов, ассоциируемых с Христом и его учениками, фрагментов Животворящего Креста, костей апостолов и прочих останков. Вскоре предметом культа стали и мощи святых, а со временем реликвии приобретали все более экзотический

характер — взять хотя бы сосуд с молоком Мадонны или посох Моисея, — и хранились в драгоценных ковчегах. Аббатство Сен-Дени в пригороде Парижа славилось одной из самых больших в Европе коллекций. Аура сверхъестественного, окру-

жавшая реликварии, отчасти распространилась и на кабинеты редкостей, так что алхимия, оккультизм и магия всегда шли рука об руку.

убедительным он ни был. Среди эклектичного изобилия экспонатов, завещанных нам великими энтузиастами, мы до сих пор различаем их мечты и желания; можем потрогать диковины — сегодня едва ли более пыльные, чем столетия назад, — и ощутить связь с теми, кто когда-то держал их в руках; можем так же восхищаться симметрией и многообразием форм и цветов предметов, которые собиратели с такой одержимостью и преданностью добывали, классифицировали, раскладывали по полочкам, пополняя свои коллекции день за днем, год за годом.

Обремененные земными заботами, раздосадованные скоротечной природой вещей и управляющими ими законами, эти выдающиеся личности страстно желали недостижимой безупречной завершенности; их объединяла упрямая и непреклонная решимость вместить содержимое целой библиотеки в один-единственный том. И они действительно преуспели в споре со временем, противопоставляя ему свою версию реальности — диковинную и вместе с тем долговечную.

Глава

Театр мира

Аллегория зрения — совместная работа Яна Брейгеля Старшего (Бархатного) и Питера Пауля Рубенса — картина из серии *Пять чувств*, заказанной в 1617 году Альбрехтом и Изабеллой, правителями Нидерландов. Эрцгерцог Альбрехт

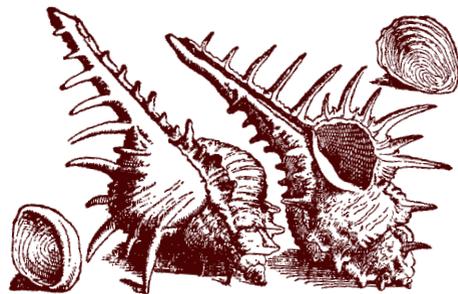
приходился братом императору Рудольфу II, а его супруга Изабелла была дочерью испанского короля Филиппа II. Их коллекция редкостей была рассеяна по миру, но картины остаются в Музее Прадо в Мадриде. Великие аллегорические полотна служат

своеобразным живописным эквивалентом кабинетов, воплощая известное стремление вместить все знания мира в единое пространство, и на них можно увидеть немало предметов из коллекции Альбрехта и Изабеллы. В *Аллегии зрения* пред-

ставлены образцы *naturalia* (раковины моллюсков, внизу справа), научные инструменты (глобус, армиллярная сфера, компасы, телескопы), монеты, украшения, античные статуи (древнеримские бюсты на полках) и произведения искусства.

Ксилография
из каталога Фер-
ранте Императо
Dell'istoria naturale

Демонстрация диковин

Музей Ферранте Императо в Неаполе, фронтиспис каталога *Dell'istoria naturale* (*Естественная история*, 1599). Книжки, ботанические и зоологические образцы и сосуды теснятся в тщательно организованном пространстве. Раковины моллюсков и морские существа, включая огромное чучело крокодила, свисают с потолка. Императо, аптекарь, использовал свою коллекцию для научных изысканий и производства лекарств. Это самое раннее изображение кабинета редкостей. Консультант, возможно сам Императо, показывает гостям особенные экспонаты. В феврале 1645 года Джон Ивлин посетил этот музей, «один из самых достойных внимания дворцов города, хранилище несравненных раритетов. Среди природных образцов особо примечательны *Byssus marina* и *Pinna marina*; мужская и женская особи хамелеона; *Onacratulus*; гигантский крокодил; *Orcades Anates*, величайшая редкость; саламандра; мужская и женская особи *Manucodiata* — у самца на спине карман для кладки и высиживания яиц самкой».

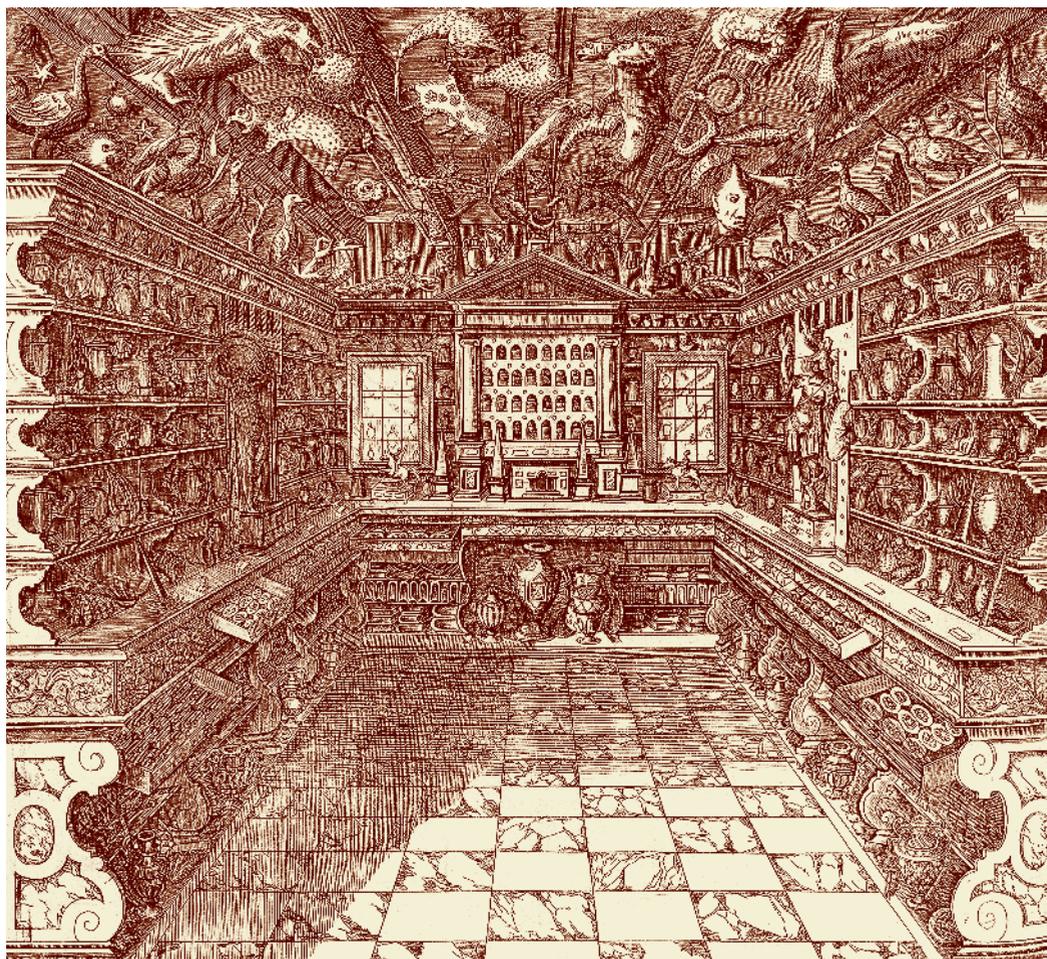

Студиоло Франческо I, великого герцога Тосканского, XVI век. Крошечная комнатка без окон в Палаццо Веккьо во Флоренции отражает более позднее увлечение династии Медичи искусством и оккультизмом. Тематика картин роднит Студиоло с кабинетом редкостей: минералы (несколько картин с сюжетами о добыче и обработке иско-

паемых), алхимия (особый интерес Франческо I), живая природа (китобойный промысел), химия (порох), классическая мифология. Верхние картины исполнены на шифре, картины нижнего ряда, в основном выполненные на дереве, являются дверцами шкафов, которые за ними скрыты.

Столпы-близнецы, отмечающие границы известного мира, обрамляют и неизвестность. Так же кабинет редкостей находит *raison d'être*, смысл существования, в многообразии рам, ниш, коробок, ящичков и футляров, в присвоении мирового хаоса и приведении его в систему симметрий и иерархий, пусть и произвольную. Он как тень, отбрасываемая «неизвестным»; он — неизвестное, извергающееся лавиной объектов. Кабинет редкостей предлагает неиссякаемый запас фрагментов и реликвий, тщательно собранных и разложенных в пространстве тайной комнаты — пространстве, обязательно имеющем некий смысл.

Кабинет Франческо Калцолари из его трактата *Museum Calceolarium*, изданного в Вероне в 1622 году. К потолку подвешены чучела животных, птиц и рыб. Полки и ящики набиты природ-

ными и рукотворными экспонатами. Особо ценные образцы выставлены на своеобразном алтаре в дальнем конце комнаты. Как и Императо, Калцолари был аптекарем.

Гравюра, фронтиспис: здесь мы оказываемся лицом к лицу с образом (и только образом) мира. Тот же образ, но на этот раз в форме географических карт, глобусов, тартарунди и армиялярных сфер, становится еще одной излюбленной темой кабинетов редкостей, представляя мир в уменьшенном масштабе. Ведь если разрушаются ложные методы научного исследования и поиска знаний, какое еще предназначение может быть у кабинета редкостей, кроме как воссоздание мира в миниатюре, мини-вселенной текстур, цветов, материалов и форм?

Кабинет Иоганна Септимуса Йоргера (середина XVII века). Йоргер, беженец-протестант из Австрии, поселился в Нюрнберге. Его собрание, типичное для относительно зажиточного знатока,

включало природные объекты, такие как раковины моллюсков, однако коллекционер больше тяготел к классической скульптуре.

«Обширнейший театр, представляющий подлинные материалы и точные репродукции целой вселенной» — таким видел идеальный музей 1560-х годов нидерландский ученый Самуэль Квиккеберг, служивший при дворе в Германии. В те времена, когда были написаны эти слова, культ редкостей в Европе еще не достиг той степени упорядоченности или иерархии, которую приобрел спустя полтора века. И тем не менее общность цели все-таки объединила одиночек, невзирая на национальные границы, в так называемую республику коллекционеров, разделявших стремление к точному описанию Вселенной, чтобы «быстро, легко и безопасно составить истинное и исключительное

Гравюра, демонстрирующая кабинет датчанина Оле Ворма, из его трактата *Museum Wormianum* (1655). Ворм получил уникальное образование: учился в Орхусе, Люнеберге, Падуе, Риме и Неаполе (где посетил Ферранте Императо), состоял в переписке

с учеными практически всех европейских стран. Коллекция Ворма, посвященная *naturalia*, едва ли в полной мере отражает широту его знаний и интересов, включающих греческий и латинский языки, физику, медицину, руны и датские древности.